

Лейкин Николай Александрович

Апраксинцы

Сцены и очерки. Допожарная эпоха

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Апраксинцы: Сцены и очерки. Допожарная эпоха / Лейкин Николай Александрович – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 203 с.

ISBN 978-5-519-92915-8

ISBN 978-5-519-92915-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Говорятъ владѣтели: Апраксинъ такъ выгоденъ, что они не промѣняють его ни на какіе золотые пріиски; да и не мудрено вѣрить, ежели принять въ соображеніе цѣны на лавки. За наемъ лавки, построенной на трехъ или четырехъ квадратныхъ аршинахъ земли, платятъ по шестисотъ рублей въ годъ, а иногда и болѣе: прибавьте ко всѣмъ этимъ удобствамъ то, что ни одна страховая контора ни за какіе проценты не беретъ на страхъ товаръ, и удовольствіе торговцамъ лѣтомъ стоять на сквозномъ вѣтрѣ (*), а зимою мерзнуть на двадцати-пяти-градусномъ морозѣ.

Но читателю можетъ-быть покажется страннымъ, отчего торговцы, во избѣжаніе этихъ неудобствъ, не сговорятся нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, не выпросятъ у правительства мѣста и не построятъ болѣе удобныхъ и теплыхъ лавокъ. На это мы васъ попросимъ поговорить съ любымъ апраксинцемъ. Вотъ что онъ вамъ на это отвѣтитъ:

— Помилуйте, какъ можно-съ! Здѣсь мѣсто на-сѣженное. Переселись-ка куда-нибудь, такъ покупателя-то и въ глаза не увидишь,—съ голоду по-мрешь.

— Пустяки! отвѣтите вы на это: — пусть соединятся болѣе сильные торговцы, къ нимъ присоединятся маленькіе торговцы и образуется нѣчто

(*) До пожара 28 мая 1862 г. страховыя конторы принимали на страхъ товары только въ лицевыхъ каменныхъ флигеляхъ.

цѣлое, отдѣльный рынокъ; да и владѣлецъ-то, увидя, что его мѣстомъ не дорожатъ, сбавить цѣны найма лавокъ.

— Что вы, зачѣмъ ему сбавлять! Да сойди-ка кто съ мѣста, такъ на его мѣсто десятки найдутся. Развѣ мало здѣсь приказчиковъ, которые желаютъ сами торговать! Они и теперь-то шныряютъ да нюхаютъ, не сдается-ли гдѣ лавка; по тысячѣ рублей выходу даютъ, сами на наемъ надбавляютъ, только-бы лавка досталась. Нѣтъ, ужъ здѣсь мѣсто насыщенное! У насъ есть такіе люди, которые выстроятъ на землѣ владѣльца лавки, платятъ ему поземельные и отдаютъ въ наймы отъ себя. Капиталы наживаются,—вотъ какъ выгодно!

Всѣхъ торгующихъ на Апраксиномъ можно раздѣлить на три касты: на патриціевъ, плебеевъ и пролетаріевъ. Къ числу первыхъ относятся хозяева, ко вторымъ — молодцы, то-есть приказчики, и наконецъ къ третьимъ—продающіе и перекупающіе разный хламъ и ветошь, а иногда занимающіеся, какъ выражаются молодцы, „карманною выгрузкою“. Люди эти не имѣютъ осѣдлости, цѣлый день шныряютъ по линіямъ и обращаются къ проходящимъ съ слѣдующими вопросами: „Не продаете-ли чего? Кавалеръ! кажи, что несешь? Почему голенищи?“

Патрицій, то-есть хозяева—вольныя птицы; они пользуются всѣми удобствами жизни; но плебеи — молодцы — въ совершенной зависимости отъ хо-

зьевъ; занятые круглый годъ, лѣтомъ съ восьми часовъ утра и до девяти вечера, а зимою съ девяти утра до пяти, они совершенно не имѣютъ воли и не смѣютъ сдѣлать шагу безъ спроса хозяина, не смѣютъ провести ни одной идеи, и по понятію хозяевъ, суть ничто иное, какъ машины или ломовыя лошади. Пролетаріи въ дѣлѣ свободы гораздо счастливѣе ихъ; по-крайней-мѣрѣ тѣ могутъ сказать: „я самъ себѣ господинъ“.

Кромѣ трехъ дней въ году, на Апраксиномъ круглый годъ производится торговля. Эти заветные три дня: первый день пасхи, троица и рождество. Только въ эти дни вы можете увидеть запертыя лавки и затянутыя веревкой линіи.

Впрочемъ кромѣ этихъ трехъ дней, есть еще дни, когда апраксинцы торгуютъ только до обѣда, то-есть только до двѣнадцати часовъ, а именно: въ *прощеное* воскресенье, — на масляной и въ *Оомино* воскресенье—первое послѣ пасхи, когда учиняется расчетъ прикащиковъ съ хозяевами.

Аптекарскіе приказчики, фельдшера въ больницахъ, наконецъ извозчики, лакеи, горничныя — и тѣ чередуются между собою и гуляютъ въ праздники; мы не говоримъ уже о мастеровыхъ и поденщикахъ. Въ воскресенье, послѣ шести-дневнаго труда, всѣ отдыхаютъ, всѣ стараются выдвинуть этотъ день изъ колеи другихъ дней и отличить его хоть какими-нибудь прихотями и удовольствіями. Но бѣдные апраксинскіе молодцы не испыты-

вають этого удовольствія; они не знаютъ наслажденія воскреснаго отдыха послѣ шести-дневнаго труда. Они не могутъ сказать, что, отдохнувъ въ воскресенье, принимаются въ понедѣльникъ за дѣло съ новыми силами.

Почти всѣ апраксинцы живутъ въ Московской части и Апраксиномъ переулкѣ; очень немногіе въ другихъ частяхъ города. Подите вы въ девятомъ часу утра по Чернышеву переулку — и вы встрѣтите сотни бѣгущихъ къ мѣсту торжища молодцовъ, размахивающихъ руками и надѣляющихъ толчками прохожихъ. Когда вамъ, любезный читатель, случится проходить по Чернышеву переулку, то, завидя бѣгущихъ молодцовъ, сходите съ тротуара: иначе они надѣлятъ васъ такими толчками, что вы невольно уступите имъ мѣсто.

Вторая половина декабря. Девятый часъ утра. На улицѣ еще очень сѣро, что-то такое между ночью и днемъ; зѣвая ѣдутъ на промыслъ извозчики и изрѣдка перекидываются между собою словомъ. „Вишь утро-то какое морозное!“ замѣчаетъ одинъ изъ нихъ, ударяя озябнувшей рукой въ желтой рукавицѣ по облучку. Понурия головы, тихо выступаютъ ихъ лошади; заиндевѣвшія морды ихъ кажутся какъ-бы обросшими сѣдыми бородами. На дворѣ до двадцати градусовъ морозу. Почти изъ каждой трубы струится дымъ; отъ холоду онъ не разсѣвается въ воздухѣ, а какимъ-то облакомъ ложится надъ домами. Дѣло близко къ празднику—

рождество на дворѣ; къ этому дню въ Петербургъ привозится огромное количество съѣстныхъ припасовъ. Вотъ и теперь тащатся розвальни съ гусями, индѣйками, курами; вонъ изъ-подъ рогожи выглядываетъ окаменѣлая отъ морозу голова барана. У сливочныхъ и зеленныхъ лавокъ выставили уже елки; черезъ четыре дня эти елки внесутся въ теплыя комнаты, украсятся конфетами и уставятся зажженными свѣчами. Всѣ радуются приближающемуся празднику, даже и молодцы: и у нихъ этотъ день будетъ одинъ изъ тѣхъ трехъ дней, когда они не пойдутъ въ лавку. „Вотъ, думаютъ они, выступая къ мѣсту торжища:— пройдемъ еще четыре раза взадъ и впередъ по этой дорожкѣ — и праздникъ наступитъ“. Смотрите, какъ спѣшать они, идя по Чернышеву переулку, какъ размахиваютъ руками! Воротники ихъ подпоясанныхъ кушаками шубъ успѣли уже покрыться инеемъ. Впереди всѣхъ выступаетъ въ енотовой шубѣ и котиковой фуражкѣ бородатый старшій молодецъ; въ карманѣ у него ключи отъ лавки. Въ его походкѣ есть нѣчто важное, отдѣльное, непохожее на походку другихъ молодцовъ; даже и фizioномія его какая-то хозяйская. Смотрите, у него на примѣтѣ непременно есть лавка; послѣ пасхи онъ возьметъ расчетъ у хозяина и будетъ самъ хозяйствовать. Сзади него выступаютъ младшіе молодцы въ бараньихъ, лисьихъ и заячьихъ шубахъ. „Смотри, карандашъ потерялъ!“ поддразниваетъ одинъ изъ

нихъ поповшагося имъ на дорогѣ школьника. „Отчего это у него колѣнки протерты?“ спрашиваетъ другой. Школьникъ отпускаетъ нѣсколько ругательствъ и идетъ далѣе. За молодцами бѣгутъ съ какими-то мѣшками три мальчика. Одинъ оторвалъ отъ водосточной трубы сосульку: ему очень хочется швырнуть ея въ пробѣгающую мимо собаку, но онъ боится зоркаго молодца, — оттрепетъ на мѣстѣ преступленія. Вотъ уже они и на мѣстѣ, подходятъ къ лавкѣ, крестятся, сторожа снимаютъ шапки, кланяются; вездѣ щелкаютъ запоры, звенятъ ключи.

Декабрь мѣсяцъ, а въ особенности за нѣсколько дней до праздника—время торговое, *боевое*, какъ выражаются апраксинцы, покупатель все денежный: кто идетъ купить себѣ обновку къ празднику, кто подарки для прислуги, а кто и самъ несетъ продать какое-нибудь лѣтнее платье, чтобъ было бы съ чѣмъ встрѣтить праздникъ. И это тоже не безвыгодно для апраксинцевъ; обыкновенно вещи эти пріобрѣтаются за безцѣнокъ. Еще денька два-три—и по Апраксину заестрѣютъ цвѣтные околышки фурашекъ. Чиновники получаютъ награды и бросаются покупать себѣ и своимъ дорогимъ половинамъ обнови. Тогда только припасай торговцы ситцу, сапоговъ, башмаковъ и тому подобныхъ вещей, безъ чего не можетъ обойтись ни одна проза жизни. Въ это время чиновники бываютъ чрезвычайно любезны.

— Ну что, какъ торгуете? спрашиваютъ они молодца, платя ему за товаръ новенькими кредитными билетами.

Ничего-съ, теперь хорошо. Новенькіе... съ молоточка! замѣчаетъ тотъ, принимая бумажки.

— Подъ номеръ! сейчасъ только получилъ, — и чиновникъ съ важностью ударяетъ по тощей пачкѣ бумажекъ.

Въ эту минуту онъ счастливъ; онъ испытываетъ въ рукѣ пріятную тяжесть въ видѣ двадцати, тридцати рублей. Вы, господа богачи, вы не поймете его счастья!

Вотъ теперь, только-что отворили лавку, не успѣли еще мальчики и половъ вымести, какъ уже и покупатели зашныряли по рядамъ. Первой покупательницей была какая-то старуха въ истасканномъ салопѣ и изломанной шляпкѣ. Шляпка эта потому только могла носить такое наименованіе, что была надѣта на голову. Старуха желала прикупить по образчику аршинъ ситцу.

— Ну, для почину *староплендія* ввалилась! проговорилъ одинъ молодецъ. — *Отначи!* крикнулъ онъ другому молодцу, которому старуха показала образчикъ. И молодецъ отначилъ, то-есть отказалъ старухѣ. Та не поняла этого технического выраженія и поплелась далѣе.

Вотъ уже и одиннадцатый часъ. Молодцы послали мальчика въ трактиръ заварить чай. На Апраксиномъ пьютъ чай по четыре и по пяти разъ.

въ день, а у тароватыхъ хозяевъ и болѣе. Въ какое угодно время пройдите вы по рядамъ—навѣрно увидите молодцовъ, пьющихъ чай. Пьютъ обыкновенно въ прикуску или, какъ называютъ туземцы, *съ урызениемъ*. На Апраксиномъ есть легенда про одного скупаго хозяина, который поилъ молодцовъ чаемъ, и изъ экономіи, чтобъ они не съѣдали слишкомъ много сахара, не давалъ имъ его въ руки, а привѣшивалъ на ниткѣ къ потолку; когда они пили, то, желая усладиться, могли подходить и лизать этотъ кусокъ.

Но какъ ни грѣлись молодцы чаемъ, а согрѣться не могли: русскій морозъ взялъ свое. Вотъ стоять они на порогахъ, отъ холода постукиваютъ ногами, помахиваютъ руками и громко зазываютъ покупателей, перечисляя всѣ имѣющіеся у нихъ товары.

По ряду идетъ молоденькая, хорошенькая дѣвушка изъ моднаго магазина, подобрать *подъ* различикъ кусокъ лентъ.

— Пожалуйте, здѣсь покупали! говорить довольно красивый молодецъ, занятый закручиваніемъ лѣваго уса.—Иванъ, что ротъ-то разинулъ? Пуси пройти старушку! остритъ онъ.

Дѣвушка опускаетъ глазки и проходить.

— Славная *штучка*! замѣчаетъ усатый молодецъ.

— Готовое платье, сертуки, жилетки модныя, фуражки, шапки бобровыя! Здѣсь покупали, купецъ!—слова эти относятся къ одѣтому въ тулупъ

мужику. Услыша такое лестное для себя наименованіе и имѣя нужду въ покупкѣ, онъ нейдетъ далѣе, а заходитъ въ лавку.

Вообще, зазывая покупателя-мужика, его именуютъ купцомъ, солдата — кавалеромъ, мастера — хозяиномъ, деревенскую бабу — теткой, молоденькую горничную — умницей; всѣхъ же имѣющихъ счастье носить шляпку — сударыней, а офицеровъ и даже чиновниковъ, ежели на фуражкѣ ихъ красуется кокарда — вашимъ благородіемъ; когда же эти личности зайдутъ въ лавку и купятъ чего-нибудь не торговавшись, то, прощаясь съ ними, ихъ навѣрное назовутъ вашимъ превосходительствомъ.

— Но войдемте, читатель, въ какую-нибудь лавку. Вотъ вывѣска гласитъ, что это лавка купца Калистрата Берендѣева; на ней изображены съ одной стороны сапогъ, съ другой башмакъ, и посрединѣ надпись: „продажа сит. ват. кал. саш. баш. и другихъ суровскихъ товаровъ“. У входа на порогѣ стоитъ огромная корзина съ ватой и двое мальчишекъ, съ ногъ до головы замаранные ею, отчего они кажутся какъ-бы сейчасъ обсыпанными снѣгомъ. У прилавка стоитъ баба въ ситцевомъ, на заячьемъ мѣху, шугаѣ. Молодецъ мѣряетъ ей на деревянный аршинъ коленкоръ; желѣзный аршинъ лежитъ поодаль.

— Да ты бы, косатикъ, на желѣзный мѣрилъ.

— Да нешто тебѣ не все равно, тетка? На

этотъ мѣрить-то способѣе. Вишь тотъ такъ накалился морозомъ, что его и въ руки не возьмешь.

— Да уважь меня, миленькій!

— Чего уважать-то, тетка! Ужъ такую цѣну беремъ. На желѣзный будетъ дороже стоять.

— Да ужъ мѣрій, мѣрій, что съ тобой! Мнѣ-бы еще вотъ ситчику на рубашку для паренька нужно.

— Изволь, есть, что-ни-наестъ важнецъ! Манерь хорошій, генеральша вчера для сыновей брала.

— Мнѣ-бы, знаешь, эдакой манерецъ: собачками, али вавилонцами.

— Да нынче такихъ не носятъ, все травками. Вотъ возьми, — лихой манерь! И краска прочная: въ трехъ целокахъ стирай, не слиняетъ.

На стулѣ сидитъ дама въ капорѣ и примѣриваетъ калоши; она изрыла цѣлый ворохъ обуви, но ничто ей не нравится.

— Малы мнѣ эти калоши, говоритъ она.

— Помилуйте! возражаетъ ей на это молодецъ, для большей учтивости какъ-то проглатывая слова:—разносятся, только до первой сырости. А то не угодно-ли вотъ эти примѣрить? Всего за каблуки и застежки полтина дороже.

— Велики! отвѣчаетъ дама, чуть не брося калоши.

— Извѣстно, кожа новая; носить будете — обтянется, сядетъ, да и носить свободнѣе.

Но какъ ни увѣрялъ молодецъ, что велики, такъ сядутъ, а малы такъ разносятся, — дама не